

Сайда Афолина

БЕЛЫЙ ГОРОД

Сайда Афолина

БЕЛЫЙ ГОРОД

Автор текста
и стихов на картинах
Ирина Барсэл

Фотографирование: К. Петров
Корректор А. Репин
Верстка: О. Чевакина
Сканирование иллюстраций:
В. Тулин
Цветокоррекция: А. Курбацкая

На обложке:
Вдохновение. 2008
На авантитуле:
Любимые игрушки. 2008

ISBN 978-5-7793-2048-1
УДК 75Афоница(084.1)
ББК 85.143(2)я6
С14

Отпечатано в Италии
Тираж 1000

ООО «БЕЛЫЙ ГОРОД»

111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 305-2650, 780-3911
E-mail: belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь по адресам:

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 49а,
корп. 10, стр. 2. Тел.: (495) 780-3911, 780-3912

111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 304-5464

192019, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 14
Тел. (812) 643-02-09

400001, Волгоград, ул. Рабоче-Крестьянская, д. 13
Тел.: (8442) 97-58-89, 93-27-58

394018, Воронеж, ул. Станкевича, д. 1
Тел. (4732) 765-059

Полный ассортимент книг
издательства «Белый город» представлен
на сайте: www.belygorod.ru

Вы можете заказать
бесплатный каталог издательства «Белый город»
по тел.: (495) 304-4338, 780-3911

© «Белый город»

www.belygorod.ru www.bg-mir.ru www.belygorod.ru www.bg-mir.ru

Сайда Афони́на

БЕЛЫЙ ГОРОД

Мое сердце – кисть

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены – и это знаем сами –
Мы расточать, а не копить.

А. Ахматова

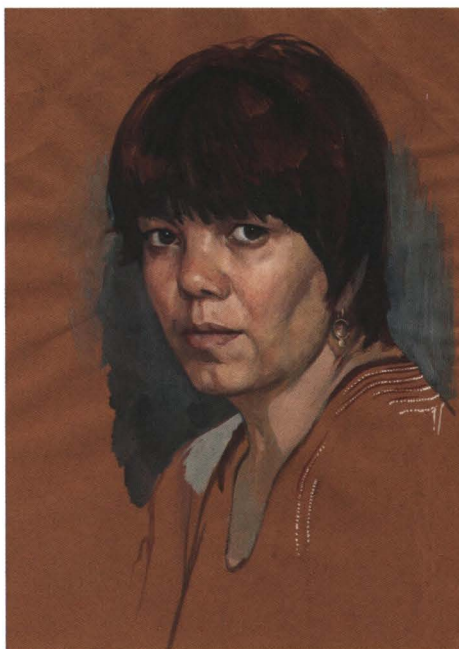
Как мало нас осталось у костра.
Мои друзья ушли расставить вежи,
Чтоб ни одна упавшая звезда
Не потерялась в сумеречном свете.

И. Барсэл

Сайда Афолина – явление в русской реалистической живописи конца XX – начала XXI столетия, и разговор о ней не имеет права быть банальным. Само по себе имя Сайда звучит почти как псевдоним, обозначая сценический или художественный образ. На самом же деле человек, живущий под этим именем, необыкновенно цельный и глубокий, сильный и мудрый.

У этой женщины много «неженских» черт: трудолюбие со знаком бесконечности, колоссальная сила воли, любовная преданность своей профессии. Хотя можно удивляться и другому. Тому, как она ребячливо смеется, играя со своими маленькими детьми, как кормит с руки птиц в Нескучном саду, как вспоминает детство и белые парусники на Волге, как будто бы из другой, чьей-то чужой жизни.

Ей, девочке, родившейся в маленьком городе Сызрань, в семье, где родным языком был смешанный русско-татарский, очень хотелось «красивой правильности», гармонии, которую начинала чувствовать рука, все чаще тянущаяся к карандашу. Уже тогда к ней «кулачком в окно постучала» ее первая ма-

Автопортрет. 2005

ленькая слава. На одном из ранних портретов работы Сайды изображена женщина с глубокими внимательно-ласковыми глазами – ее мама. Благодаря ей, уважительно любившей свою дочь, люди узнали первые работы маленького художника, а художник решил стать большим и для этого пошел

на то, на что у многих пойти не хватило бы духу. Как многие художники, Сайда умела придумывать фасоны для будущих нарядов, хорошо шила. Но в один из дней решила, что все это лишнее. Надо ценить время и заниматься другим. Она раздарила все наряды, сшила длинное черное платье и стала постигать свое ремесло. Уже тогда она, очевидно, почувствовала, что должна сделать многое, и стремилась к этому, выполняя в день по 20–40 набросков. Даже подруги отошли на второй план, казалось, что на разговоры с ними уходит слишком много времени, а бег времени – вещь серьезная, безостановочная, отставать от него опасно. Общение с близкими заменяли песни Окуджавы и фильмы Тарковского. Мир ширился. Сначала Сайда искала мысли вовне, но все чаще и чаще они стали звучать внутри. И началась та самая сложная, важная и интересная жизнь, которая проходит внутри нас.

В 1987 году Сайда поступила в Академию живописи, зодчества и ваяния. Их курс был первым, который пришел в эти, священные стены после долгого перерыва.

Окна были еще не застеклены. На занятия выдавали фуфайки, но ребята рисовали замерзающими пальцами и были счастливы тем, что у них самый настоящий Учитель, Мастер, Маэстро, красивый, сильный, талантливый – не такой, как все. Это сегодня в многоликости художественных начал имя Глазунова может вызывать или не вызывать споры, а тогда, в 1980-х, оно отражалось в бесконечных очередях желающих попасть на его выставки, драматизме христианской темы, по которой за последние 70 лет сильно истосковались. Как ни удивительно, эту же тему позднее будет развивать и Сайда. Безусловно, ее работы решаются иначе и композиционно, и художественно, но, очевидно, ученицей был подсознательно усвоен какой-то психологический эфир, обозначивший столь глубокую православную тему, которая, как мне кажется, будет главной в ее творчестве.

Многие работы Сайды – *Моление о даровании источника (Преподобный Серафим Саровский), Преподобный Кирилл Белозерский, Преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские* – кочуют из энциклопедии в энциклопедию, из каталога в каталог, определяя свое место в классическом ряду. Сайда берет за образы, представление о которых уже сложилось в восприятии людей, и тем сложнее преодолеть стереотипы, обозначая свое видение. Только благодаря дару художника его молчаливое искусство вызывает у зрителя глубокое эмоциональное переживание и пробуждает мысль.

Православие Сайды – глубоко. Ей удается уйти от суетности, включая сознание зрителя во вневременной масштаб темы. Человеченный образ Серафима Саровского открывается напряжением рук, звонкой прозрачностью воды, таинством мохнатой ели в предутреннем голубом тумане и лишь по-

Мама. Миниатюра. 1998

том замыкается в лике святого, размыкая тем самым бытие...

Полотно *Преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские* поражает все той же глубиной и принадлежностью вневременному. Зная, насколько самоотверженно строги и аскетичны были монахи Киево-Печерского монастыря, зритель будет благодарно удивлен трепетной ясностью мысли, покоем и сложной внутренней работой, отразившимися на лицах святых и преломившимися в видении художника. Эту работу отли-

чает поразительная сила драматизма, которая оживляет образы, заставляет зрителя, размышляя, сопереживать.

Вообще драматизм работ Сайды – черта отличительная. В ней скрыт недосказ, тема, оставленная зрителю. И тема эта тревожит, наводит на мысль о своем, открывая суть проблемы, выводит на круг общезначимого, понятного всем. Всякий раз, когда работа выходит

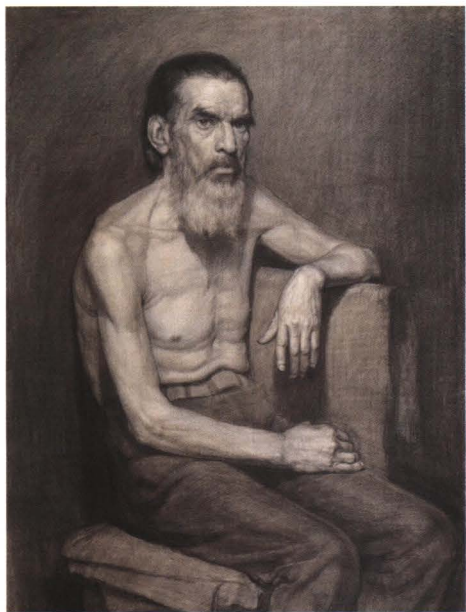

Рисунок натурщика. 1994

на этот круг, она уже не принадлежит художнику. Она из времени исторического навсегда уходит во время абсолютное. Уже сегодня это произошло со многими ее работами.

Православие, его культовая и нравственная основы глубоко вошли в сознание художника, но это не значит, что он отказался от культуры и традиций своего народа. Напротив, Сайда пытается восстановить татарский язык. Годами с щепетильной требовательностью и любовью подбирает ткани, аксессуары для национального костюма, чтобы написать автопортрет.

Но есть в творчестве Сайды еще одна очень серьезная заявка — детский портрет.

Безусловно, Сайда — блистательный портретист, мастер композиции, света. Часто она выхватывает лица из толпы и ведет свой рассказ, потому что любую натуру видит только своими глазами и доверяет только им. Но детский портрет — вещь особенная. Это сродни попытке постичь мироздание и вместе с тем еще немножко по-

В мастерской училища. 2000

жить «там», продлить радость «легкого дыхания», мечтая и ни о чем не тревожась. У Сайды много детских портретов, все они непохожи друг на друга, но все без исключения очень живописны. В них нет столь свойственной ей манеры глубокого постижения внутреннего мира. Они ситуативны. На одном из них автор подсмотрел лукавство, озорство (*Даша*). На другом художнику увиделась пересеканность или повторяемость времен (*Перед Рождеством*). На этой картине Сайда, быть может, неосознанно обозначила еще одну грань своего бытия — искреннюю веру в мечту и одновременную тоску по ней. Обратите внимание, какой волшебной пастелью она выводит на заднем плане рождественский узор, а прямо перед глазами происходит чудо воплощения вечной детской фантазии, когда картон превращается в птичку...

Ее портреты отличает особая одухотворенность красоты. Она обычно выражается определенным цветовым решением с расстановкой доминирующих акцентов (атласная лента, каблучок, глубина воды). При расстановке этих акцентов воскрешается ощущение исторического времени (*Перед Рождеством*) или сезонного, когда травы пахнут осенью (*Илюша*), или же времени дня (*Пастушок*).

Рассматривая детские портреты, ты погружаешься в состояние какой-то особой благодати. Как будто перед тобой мир непостижимый. Он открывается только на миг «миганием одним». Удивительно то, что даже в этой теме Сайде удалось коснуться исторической плоскости. На ее необыкновенном полотне *Сызранские дети* остановлено время старых «лапчатых» сандаличков, легких платьишек, которые уже никогда не будут носить... Но сквозь вечную «детскость» поз, удивление и распахнутость глаз угадывается поразительное постоянство,

которое сродни понятиям добра и зла. Надо сказать, что среди детских портретов не так давно появились такие, которые обозначили новые грани мастерства художника. Первым из них был портрет *Анечка и ее царство*. Он выдержан в той же манере, манере академизма, но уже заметна тенденция к отступлению от канонов. Девочка изображена на портрете совсем маленькой, равновеликой своему игрушечному миру. Одно наводит на размышление – лицо. Любой взрослый найдет в нем отголоски своей памяти – близкой, а может, далекой... Оно полно дум, размышлений и какой-то особой светлой печали, угаданной автором.

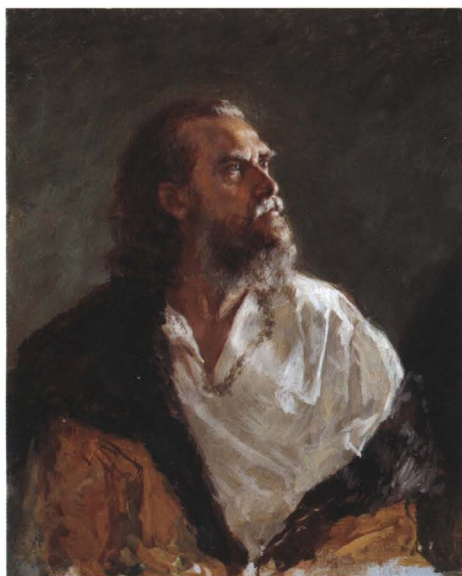
На этом полотне есть одна-единственная деталь реальных размеров. Это туфелька. Она введена в работу игрой автора, но, вместе с тем, она может намекнуть на возраст «натурщицы» и подтвердить правдивость детства. Портрет *Анечка и ее царство* был первым, в который художник ввел поэтический текст. Это был удачный эксперимент, начало нашего совместного

проекта «портрет в портрете», в котором нам захотелось усилить настроение художника силой поэтического слова. Стихи, написанные к портретам, не живут своей самостоятельной жизнью. Они лишь являются еще одним штрихом, но

В библиотеке Пензенского училища имени Савицкого. 1989

Восточный натюрморт. 2002

Натурщик. 1997

штрихом озвученным. Циклом детских портретов обозначена очень сложная проблема – проблема истинного понимания детства. Может быть, в этом предшествующем всему миру, который мы так часто не принимаем всерьез, таится значительно больше, чем мы хотим думать?! Первым вариантом стихов к портрету *Анечка и ее царство* были строки: «Какая-то глубокая печаль / Проникла в глубину ее сознания... / Быть может, это детство? / Или даль всепроникающего мироздания?»

Сайда Афонина – мастер глубоких психологических срезов. И только тот, кто не хочет или ленится, не заметит новизны в ее подходе на-

ходить и отражать. Портрет *Анечка и ее царство* был создан в переходный период творчества художника. Вслед ему появился цикл портретов, выполненных в совершенно новой для художника манере. Они акварельны по настроению. В них много света, изящества, и, вместе с тем, они очень современны. Стиль, в котором выполнены эти работы, можно определить стилем эстетического модернизма. Так, если раннюю Сайду можно сравнить по значимости детали, умению ее прописать с фламандцами (Гертген тот Синт Янс *Святой*

Академическая постановка. 1994

Бавон, Лукас ван Лейден *Исцеление иерихонского слепца* – триптих, ч. 1, 3, Михель ван Кокси *Благовещение*), по удивительному чувству меры и изысканности приглушенного света с Вермеером, в восприятии христианской темы с Нестеровым и Поленовым, то эти портреты отчасти напоминают манеру Томаса Лоуренса *Портрет графини Е.К. Воронцовой* 1821 года и некоторые работы Зинаиды Серебряковой, если не брать во внимание динамику пластики последней.

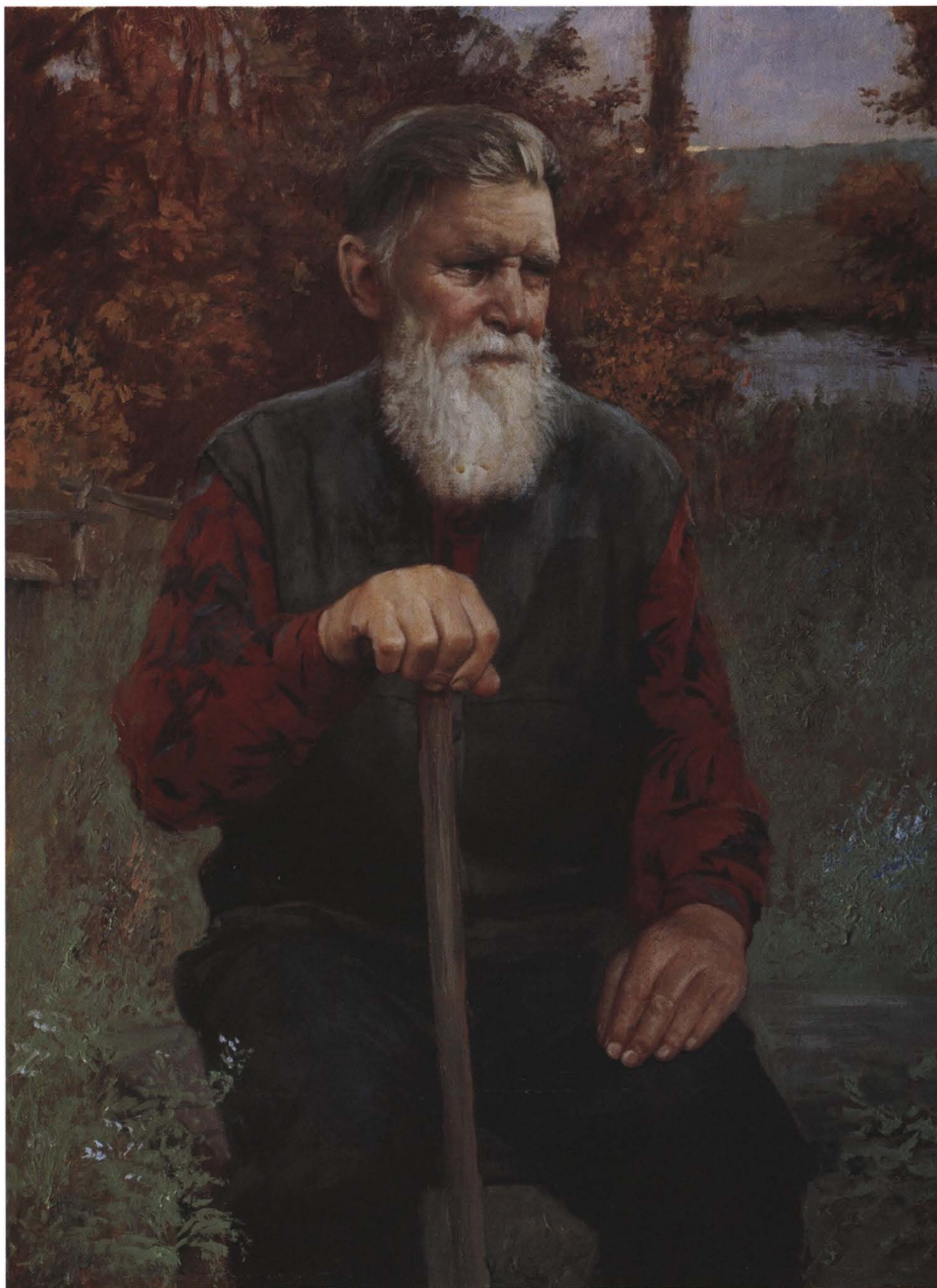
Правда, все в той же строгой классической манере на этих портретах выписаны лица. А вот наряды такие легкие, изысканные, такие дурашливо-милые, что кажется, уже через час могут перемениться. Сайда как будто дает шанс времени, не тревожа лица, вносить свои коррективы. Такова Василиса: уже через полчаса она может заплести волосы в косички и сама склониться над мольбертом. Милочка вот-вот встанет с кровати, зазвенит колокольчиком, да и у «девочки-балерины» танец уже закончился.

Рассказывая о Сайде Афоной, мне очень не хотелось, дорогой читатель, отвлекаться на то, что расположено в правом или левом углу ее картин, как хорош передний план, как умело выполнены складки и о чем думал художник, создавая то или иное полотно. Это, дорогой читатель, ты увидишь и сам. Мне хотелось приоткрыть тебе те особенности личности, характера, в которых преломлялось все созданное художником. Искусство живописи молчаливо, оно не расскажет и не объяснит тебе, почему возникла та или иная тема, деталь. В этом прелесть и своеобразие этого вида искусства, когда масштаб сотворенного измеряется масштабом личности воспринимающего. И чем масштабней художник и любящий его творчество современник, тем масштабней время историческое.

Сайда Афоина – удивительный человек и художник. В наше время, когда так популярны коммерческие жанры натюрморт, пейзаж, Сайда остается художником

Карл IV. 2004

Старик. 1995

некоммерческим. Да, она может рисовать и натюрморт, но она скорее упражняет себя в этом жанре, пытаясь держать планку живописи так же высоко. Натюрморты *Утро*, *Вечер*, написанные вместе с художницей Натальей Кургузовой, прежде всего дань все тому же стремлению к постижению красоты, когда так любовно подбираются детали и выстраивается композиция. Все погружается в камерную гармонию светооттенков.

И вы не просто отмечаете про себя натюрморт (*Утро*), а запоминаете его. Запоминаете легчайшую ткань занавески, потревоженную прохладным утренним ветерком, и чувствуете зарождение любви в теплом цветовом решении воскрешающегося дня. В своем творчестве Сайда, безусловно, романтик и эстет, но мне кажется, что она до сих пор где-то в сундуках хранит свое черное платье, или же тень гоголевского *Портрета* вовремя напоминает ей о том, что «не продается вдохновение».

Р.В. Чурсина. 2003

В этом отношении литератору все-таки легче, он «может рукопись продать», но все, им созданное, останется при нем, равно как и у композитора. Живописцу же приходится расставаться со своими этюдами, набросками навсегда. А это значительно трудней, ведь в них остается часть его жизни, переживаний, мыслей и находок. Это маленькие и большие этапы пути, копии которых невозможно сделать. Может, именно поэтому не расстается Сайда со своими любимыми и главными работами, зная, что назад не вернуться.

Правда, иногда, когда она понимает, что какой-то этап ушел навсегда, «нарядившись» в память, работы «отпускаются», но таких работ мало.

Есть ощущение, что сейчас ее творчество на рубеже новых перемен. Ну что ж, Сайда любит Господа, и, похоже, Он отвечает ей тем же... Удачи!

Портрет мамы. 1995

Живописные истории в лицах

Дорогой читатель! Описания картин, предлагаемые тебе в этой главе, не похожи на искусствоведческие этюды. Это скорее зрительно-ассоциативные попытки проникнуть в замысел и настроение художника. Такой подход показался нам интересным. Радостного просмотра!

И. Барсэл

Отражение, 2001

Портрет *Отражение* сначала был написан глазами. Случайная натура, в легком шелковом одеянии, остановила взгляд худож-

ника на изящной точеной головке, поразив правильностью формы. Затем профиль превратился в анфас. Еще движение – и пришлось выдержать открытый, но довольно удивленный взгляд раскосых, то ли бурятских, то ли калмыцких, то ли русских глаз – странный, не-

ожиданный, какой-то северный взгляд «белого востока».

Кажется, именно это было заключительным аккордом в решении образа.

Затем художнику пришлось провести несколько дней в музее Востока. Именно там был найден халат, орнамент которого, в мягких горчично-золотистых тонах, стал фоном для хрупкой натурщицы на комод, воплотившей в себе московское мерцание северной красоты.

Эрна, 2000

Парадный портрет Эрны Беккер в вечернем туалете вопреки жанру вносит некоторые дополнительные акценты в разомкнутую философичность работы. Кому не знаком этот взгляд в себя? Ведь там, «внутри», у каждого из нас свой мир...

Нам хочется догадаться, о чем же думает эта молодая изящная женщина?

И само собой получается, что все тщательно и искусно прописанные детали отступают, уходят на второй план, освобождая место

Отражение. 2001

Эрна. 2000

Портрет Елены. 2004

этому взгляду, который становится в работе ключевым. И только когда он отпускает тебя, ты замечаешь веер, раскинувшийся сзади. На нем выписаны лица детей и взрослых. Наверное, это семья, — думаешь ты. И в этот момент понимаешь, что веер очень напоминает кокошник. Что это? Намек или совпадение? Покой рук, изящество позы, соразмерное чувство детали, не мешающее общему настроению, — все это делает работу совершенно спокойной и гармоничной. Благородные серые тона как будто играют со светом, в центре луча которого и цельность ха-

рактера натурщицы, и сила красоты материнства.

Портрет Елены, 2004

Известно, что выбор Сайды — детские, женские лица. Но что бросается в глаза — нет повторений. Каждое лицо — отдельная история, особая судьба.

Портрет женщины, появившейся в домашнем интерьере, тоже особый взгляд на жизнь. Это своего рода организация маленького мира в общем большом.

В натурщице угадывается человек мягкий, «уютный», любящий свой дом, любящий людей, которые вот-вот заглянут к ней на чашку чая. К чаепитию все готово: ук-

рашенный стол, посуда, которую не просто купили, а купили, выбирая, и даже поза хозяйки, которая, освободившись от хлопот, опустилась в кресло в ожидании встречи.

Статичностью композиции художник как будто подчеркивает светлый покой дома, усиленный теплым тоном работы. Это — то самое тихое счастье, о котором обычно мечтают женщины. Немалую роль играет одежда. Кофта, напоминающая спинку змеи, наводит на мысль о мудрости и изяществе изображенной на портрете хранительницы домашнего очага. Некоторые детали интерьера указывают

Натали. 2000

на сословную принадлежность натурщицы, но это не становится главным, так как тема, заявленная в портрете, общечеловеческая.

Натали, 2000

Портрет девушки, вальяжно и вместе с тем эффектно расположившейся на диване, вызывает ощущение импульсивности, темперамента на-

турщицы. В постановке композиции угадывается увлеченность испанской темой. Она сквозит в завитках икебаны, орнаментарной пластике одежды, броской яркости губ. Даже собака, как будто бы «думающая о своем», попадает в поле заданного. В движении платья очевидны линии испанского национального танца: оно как бы подхватывается, передается икебаны, а затем плавно возвращается раковиннообразной форме дивана. Все обещает рождение красоты. Только не по греческим, а по испанским канонам. По тем, которые выбраны самой натурщицей, знающей цену красоте и тем самым создающей особый эфир восприятия картины.

Е.С. Строев, 2004

Портрет губернатора Орловской области – своего рода знак нарождавшейся эпохи. Цветовая разреженность полотна при композиционной нацеленности контрастных пятен подчеркивает спокойную вольную атмосферу бытия, которая передается яркими смысловыми нагрузками. Так, цвет штор не вносит сомнений в то, «кто в доме хозяин», но легкий, почти этюдный фон города уравнивает эту мысль своими ностальгически-эпическими ракурсами, предполагая разумность и рассудительность.

Взгляд человека, изображенного на портрете, открыт, свободен. Он устремлен вдаль. Так смотрит человек, уверенный в правоте своего выбора. Он сидит в кресле, левая рука слегка напряжена и чем-то напоминает пластику военного, другая сжата в кулак. О чем он думает, мы не знаем, но похоже, он готов к твердым волевым решениям и поступкам.

Александр, 2001

Мы видим перед собой мальчика в военном мундире с эполетами.

Понятно, что это зарисовка на современную тему, связанная с игрой в солдатики. Но что-то в этой работе наводит на мысль о другом портрете, известном всем (портрете маленького Бонапарта). Возможно, это сходство вызвано выправкой ребенка, сосредоточенностью взгляда, геометрией жестов.

Похоже, что в этом почти застывшем мальчишке воскрешается дух ожившей истории, патриотизма, цельности мысли, так необходимой военному человеку. Конечно, это не маленький Бонапарт, а, пожалуй, только желание быть им. У всех мальчишек желания разные. Для кого-то воплощение идеала — генерал Румянцев, для кого-то — фельдмаршал Кутузов; главное, чтобы тема исторической памяти тянулась к своим истокам — отваге и справедливости.

Настроение, 1997

Как и все работы, портрет *Настроение* имеет свою точку отправления. Пластика, жест, движение — то, что не ускользает из поля зрения художника. То, что цепляет глаз эстетикой формы, продолжающейся в изысканности и глубине мысли. Эта натурщица имеет профессию сродни художнику — она искусствовед. И художнику хочется обозначить этот эстетический ракурс. Она будто размышляет о чем-то. Рука свободно лежит на диване, другая, осящая мысль, словно подгоняет или удерживает ее. Здесь же раскинуты иллюстрации, чем-то напоминающие акварели Волошина. Сейчас мысль еще только нарождается. Глаза вдохновенно-взволнованно напряжены.

Они, в какой-то степени, ось картины. Именно они отражают мир «изнутри». Оттуда, из внутреннего содержания, приходят внешние формы. Автор, очевидно, любит изысканной женственностью натурщицы, чем-то напоминающей

Е.С. Строев. 2004

Александр. 2001

Настроение. 1997

Мужской портрет с сиренью. 2007

кошачью, пластикой рук. Именно этим любованием продиктовано желание ввести в портрет антикварную шаль как частицу очевидно прекрасного и вечного в своей востребованности. Возникает понимание, что история и культура нашего «вчера» – это история и культура нашего «завтра». На стенах – «робкая Греция». Неслучаен диван в стиле «модерн». Он как вдох, сливающийся с синьей стеной, силуэтом натурщицы, напоминающим русалку. Жемчужные серьги подкрепляют эту догадку. Но рядом на столике «дышат» ландыши. Что это? Символ детства, в котором все прекрасное прекрасно? Символ нежности? Или знак того, что уже все родилось и живет здесь, сегодня, сейчас?..

**Мужской портрет
с сиренью, 2007**

Портрет с сиренью – портрет смешанных жанров. Это парадный портрет, с одной стороны, и с другой – портрет исторический, так как новый исторический слом вызвал целую галерею совершенно

разных и очень характерных типажей. В связи с этим тема «портрет современника», на какое-то время превращенная в штамп, стала опять небанальной. Мужчина, изображенный на портрете, безусловно, красив, но его красота далека от красоты античных героев. Она аскетична, но при этом подчеркнута мужественна и благородна. Художником создан образ, в котором читается дальность пройденного пути, отсюда легкая расслабленность позы и вольность пейзажа. Во всем облике угадывается покой и удовлетворение сделанным. В какой-то степени это состояние натурщика вызывает ощущение «между»: между тем, что уже сделано, и тем, что сделать еще предстоит. Хотя, что впереди, он, возможно, еще не знает, но куст сирени, так благоуханно выписанный на полотне, мятежное небо и общая эстетическая концепция работы наводят на мысль о романтически-сентиментальных мыслях, которые могут воплотиться в чем-то совсем другом, неожиданно противоположном состоянию натурщика, например, в заводах и фабриках.

У камина, 1999

Портрет *У камина* написан на одном дыхании. В нем нет глубокой философии. Он весь в ощущении красоты. Художник словно спешит за кистью, стараясь «выговориться» и ничего не упустить. Грациозность, пластика, влекущий и слегка кокетливый взгляд героини словно отблески игры пера жар-птицы, которое расположилось совсем поблизости, здесь, на камине. Мы видим, как в каждом штрихе, повороте головы раскрывается отношение автора к модели. Он любит красоту, подчеркивая лебяжью осанку, изысканность наряда, выдержанного в благородных зеленоохристых тонах, которые так к ли-

цу натурщице. Неслучаен и орнамент шелковых обоев, который, как дорогая рама, уравнивает и завершает задуманное, оставляя зрителя наедине со своими мыслями.

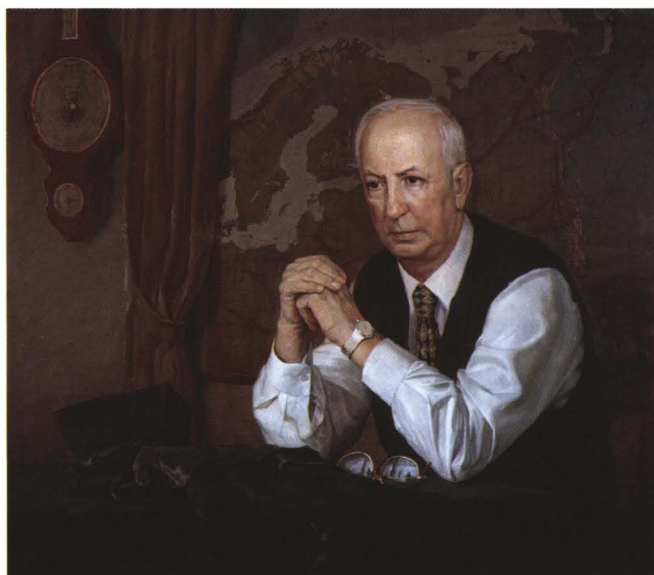
У камина. 1999

В.Р. Беккер, 1998

Портрет *В.Р. Беккер* – это портрет сильной, целеустремленной,

В.Р. Беккер. 1998

А.Я. Беккер. 1998

Портрет скульптора. 1994 ►

но очень женственной женщины. Это, безусловно, мать. В ее руках альбом с фотографиями близких: жизнь здесь, под рукой, но взгляд устремлен вперед, как и сама жизнь. В нем лишь слегка угадывается готовность к сентиментально-любовному погружению в себя. Возможно, ей вспомнилась Сибирь, быт в маленьких вагончиках, бесконечные переезды, обязательным спутником которых было пианино; время любви, время поиска своего пути. Жанр портрета всегда обрамлен «исторической рамой». Это знак, веха на пути развития истории. И в портрете *В.Р. Беккер* эта знаковость есть. Она в соразмерности цвета, скромной изысканности манер натурщицы и глубокой цельности мыслей. Вечерний туалет и наброшенная на плечи прозрачная туника вносят эффект облегченности и эстетической колоритности в созданный художником образ.

В интерьере нет рукотворных предметов, но общая композиция работы, ее цветовое решение подводят зрителя к мысли о том, что этот красивый, сильный духом человек с открытым и чуть лукавым

взглядом способен на творчество как в большом, так и в своем малом мире.

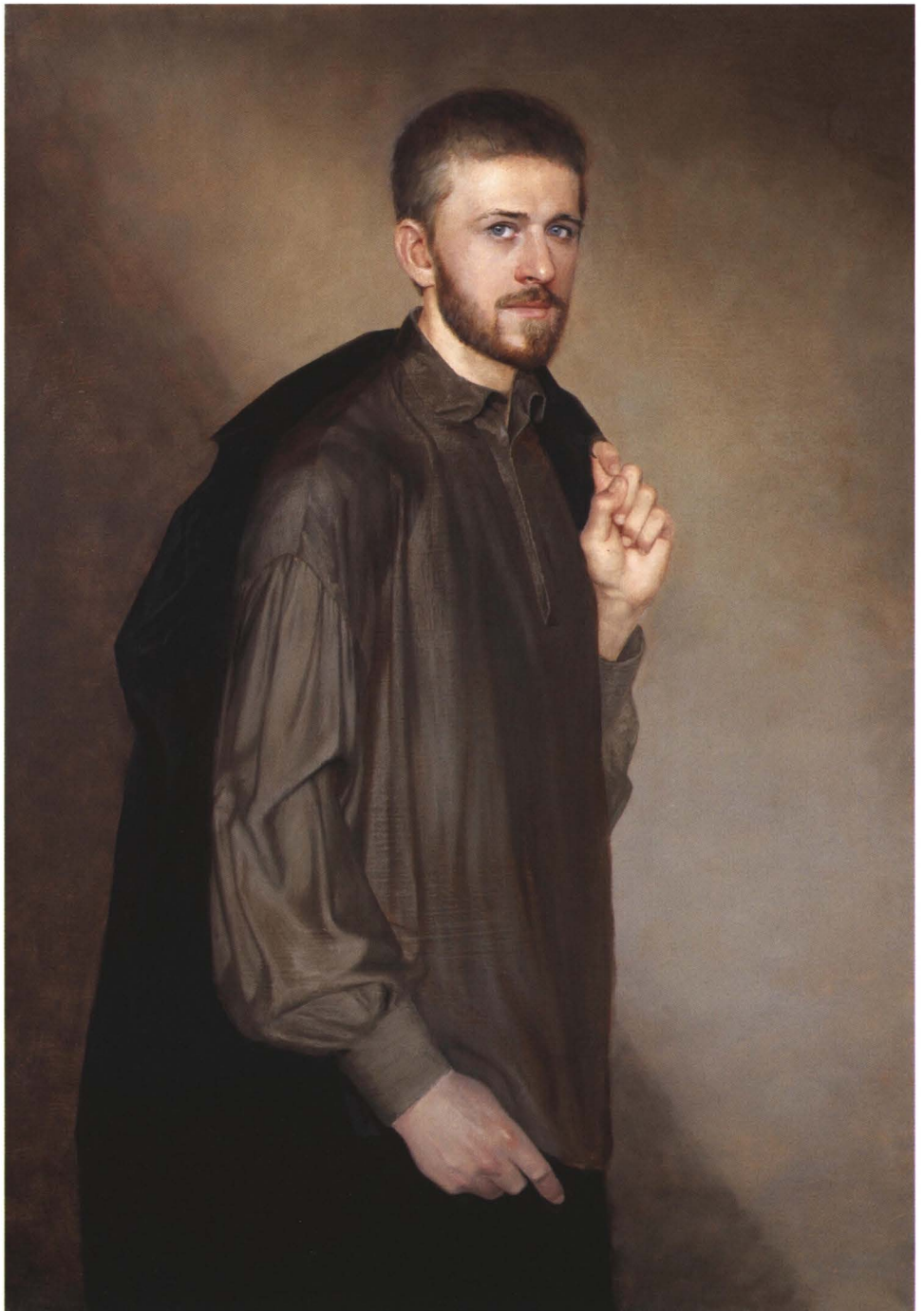
А.Я. Беккер, 1998

Портрет А.Я. Беккера – это парадный портрет в интерьере. Для фона художник выбрал сдержанные охристые тона: чем сдержанней фон, тем очевидней читается персонаж. На этом портрете нет случайных деталей. Сзади, на стене, прикреплена карта, на которой голубыми треугольниками обозначены места, где приходилось жить и работать. Здесь же расположился барометр, присутствие которого наводит на мысль о том, что этот человек сам может «делать погоду». Очевидно, что мантия и шапочка магистра, которые попали в поле зрения художника, – вещи особенно дорогие. Персонаж словно пребывает в глубоком раздумье. Его взгляд – взгляд человека, погруженного в себя, но тем не менее он устремлен вдаль. Очевидно, работа – главная составляющая его жизни. Рука, сложенная в кулак, означает силу и власть, другая же, поверх кулака, – знак покоя. Мужчина, изображенный на портрете, производит впечатление человека, у которого нескончаемое количество дел, и он обдумывает их, готовый в любой момент осуществить задуманное.

Начало пути.

**Художник А.П. Афонин,
1994**

Портрет Александра Афонина был выполнен в технике старых мастеров. Сначала все изображаемое, до самых мельчайших деталей, прорабатывалось на картоне, так называемом рисунке под живопись. Но складки одежды, подчеркивающие анатомию человеческого тела, сильные руки, романтическая распахнутость взгляда, – все это

свою настоящую жизнь получило уже в масле на холсте. Перед нами юноша, идущий вперед и остановившийся лишь на миг. Особой динамики в работе нет. Мы не можем предположить, каким будет его путь. Кому-то он покажется гимназистом, спешащим на встречу жизни, кто-то прочитает в этом образе свободолюбие и открытость миру, а кто-то, быть может, рассмотрит и бунт Раскольникова.

**Начало пути. Художник А.П. Афонин
1994**

Девушка в красном, 1996

Эта яркая, темпераментная, интересная пластическая работа полна символов. Божественные красные маки – символ усыпления. Обезьянка – символ греха. Птица, райская птица, – символ легкости, легкокрылости. Зеркало – символ

Девушка в красном. 1996

объединения времен или вневременной пространственности. Конечно, так буквально работу читать нельзя. Она похожа на поиск,

эксперимент. Автор как будто задается вопросом: что есть любовь:

- Пожар?
- Легкий полет?
- Импульсивность?
- Движение?

Темперамент натурщицы, ее погружение в себя, рассматривание своего «эго» вовне и внутри, пожалуй, и есть суть рождения:

Девушки – любви,
Девушки – обезьянки,
Девушки – в красном.

Портрет искусствоведа, 1995

Портрет сокурсницы, искусствоведа Марины Зуевой появился вместе с весной. Похорошевшая, умная, веселая в жизни, на портрете она немного иная. В этом образе автором заложена идея вечной женственности. Струющаяся розовая кофта из бархата напоминает о мягкой игрушке, детстве, доме, в котором круг твоих проблем так мал... Но одинокий бокал и цветущая ветка переносят туда, где мы сами в себе. Там, внутри, мир, который только для нас. И никому, кроме красивой женщины-лисички, туда не проникнуть.

Для зрителя же она открывается извне: утонченная, привлекательная, умная.

П.И. Афонин, 2002

На этом портрете изображен заслуженный учитель России – Павел Иванович Афонин. Человек военного поколения, мягкий и улыбочивый, умеющий пошутить и посмеяться. Человек глубоких «очеловеченных» убеждений, которому так трудно вписаться в сегодняшнюю жизнь. Именно поэтому в его ласковом открытом взгляде есть грустинка. Портрет немного напоминает работы пятидесятых годов минувшего века: простота композиции, мягкая моделировка светотенью, приглушенность цвета. Зрителя не может не привлечь сколь поразительная, столь и очевидная теплота души, которая так свойственна поколению советских людей и о которой наши дети узнают теперь лишь из книг и угадывают в портретах.

Юность, 1997

Девочка в оранжевой кофте – одна из самых темпераментных работ. Возможно, это связано с темой юности, которая всегда волнует нас. Девочка, которую мы видим в проеме двери, согласно всем смыслам может называться «входящей». Там, по ту сторону жизни, остается детство. Туда не вернуться, а здесь, по эту, ее еще нет. Она вот-вот войдет в своем ярком оранже, утверждая силу веры, любви, прекрасно-камерную силу молодости. Рядом с дверью стоит совсем старый секретер. Там, в прошлом, всегда остается много трогательного и красивого, которое становится знаком своего времени. Постепенно это старое обрастает новыми вещами и понятиями: тетрадками, учебниками, мыслями. С ним расставаться жалко, оно любимо, но

Портрет искусствоведа. 1995

будущее неизбежно и обязательно. Надо сделать только один шаг...

Но когда в жизнь вмешивается такой «оранж», наверное, это не страшно.

Скульптор А. Коровин, 1988

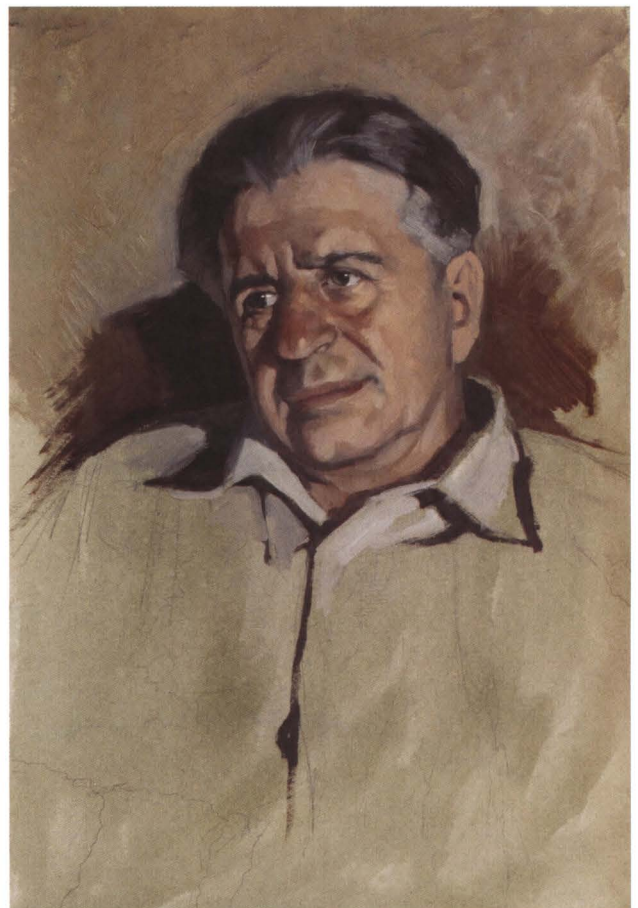
Портрет скульптора Александра Коровина можно назвать зеркальным. Скульптурность фона, выполненная мастихином, наводит на мысль о тайге или лесе.

Кажется, природа – одна из главных любовей натурщика, выросшего на Алтае, в поселке с мелодичным названием Малиновка. Колорит портрета немногословен, но по-особому философично-глубок. Рваный штрих, мазок могут навести на мысль о вспыльчивости характера и готовности к кардинальным переменам, если того требует замысел. Рассматривая достаточно жесткие черты лица, зритель одновременно отмечает силу взгляда, в котором угадывается цельность,

Валюшка. 2009

П.И. Афонин. 2002

◀ Юность. 1997

простота и глубокомыслие. Интересно пересечение фамилии скульптора с такой же фамилией русского художника – Коровина, техника работ которого оказалась в какой-то степени сродни технике работы Сайды и дала ассоциативно-акварельную ассоциацию, внося новые оттенки в образ натурщика.

В кругу миниатюр, 2007

Портрет *В кругу миниатюр* возник из мыслей, которые неожиданно сошлись в одном из случайно встретившихся лиц. В антикварной секции московского Дома художника красивая женщина неопределенно-зрелого возраста встречала посетителей. Художника не столько поразило красивое лицо, сколько удивила глубина, ясность и молодость взгляда. Мысль о красивом естественном

Художник И. Мясников. 1988

Скульптор А. Коровин. 1988

взрослении утвердила себя. Теперь надо было найти место этим мыслям на полотне. Композиция портрета не имеет острой динамики, прямоугольно-овальные формы живут дружно. А в них замечательное авторское решение – женские образы разных возрастов и эпох, остановившие на себе взгляды разных художников. Для кого-то это была страсть, для кого-то умиление, страдание, преклонение. А что в данном случае? Пожалуй, и уважение, и восхищение.

Вечер, 1999

Натюрморт *Вечер* – часть диптиха *Утро – Вечер*, который был написан в соавторстве с художницей Натальей Кургузовой. В этот диптих была заложена идея мужского и женского начала. *Утро* – небесно-изысканно, романтично. *Вечер* – мудр, красив, мужественен. Несмотря на многие детали натюрморта, предполагающие символику: гранат, виноград, лилии и прочее, никаких вторых и третьих смыслов детали эти не несут. Они являются украшением уходящего дня. Авторы больше увлекает их цвет, тяжесть,

объем. В беспорядочной сочетаемости горящие свечи, старинные часы, украшенные маленькими ваххами, которые присутствуют при отсчете времени; бабочка, сидящая на краю стола, одинокий бокал – все это со-

Студенческий набросок. 1993

В кругу миниатюр. 2007

здает настроение приятно уходяще-го дня.

*Вечер вдруг накрылся
палантином.
Память перепуталась,
скользя.
Может, я сошел с чужого
круга,
Может, снова на круги своя?*

**«В созвучье звуков,
чувств и дум».**

Художник Н. Кургuzова, 1996

Портрет Натальи Кургuzовой возник спонтанно. Случилось это еще в студенческие годы. Примеряя в портретной мастерской красивые платья натурщиц, Сайда увидела в Натали одну из греческих муз. Через несколько минут был готов эскиз, а через полгода – портрет.

Мы видим совсем юную, красивую девушку в греческом храме. Возвышенная, поэтическая статность героини, фон (колонны), который подчеркивает силу духа, ум, характер; изящные, воздушные шторы, сочетающиеся с общим настроением работы, наводят на мысль об искусстве: кто это, какая из муз?

Владимир Кургuzов, 1993

Работа *Владимир Кургuzов* – работа студенческих лет. Это одна из академических постановок. Перед нами человек, проживший жизнь, сильный, цельный, преданный своим убеждениям. Его взгляд устремлен вперед. О чем он задумался? Может, о том письме, которое лежит на подоконнике? Кажется, он его только что прочитал.

Композиция работы строится на углах: формы человеческого тела, геометрия стен, прямоугольник окна. Правда, очевидную сентиментальность вносит влияние малых голландцев, заявляя о себе пасмурно-молочными тонами дня и винтажной зеленью дуба.

Корниловец, 1994

Еще одна из ранних академических работ – *Корниловец*. Ее задача – создать исторический образ. Мы видим перед собой молодого военного, он ранен, но уже идет на поправку. Несмотря на то что он молод, в нем угадывается личностная зрелость и то знание, которое неведомо человеку, не побывавшему на войне. Уже в студенческие годы Сайду отличало умение в живописном портрете делать поразительно точные психологические ракурсы, проникая в разные исторические эпохи.

**В тени царскосельских дубов,
1989**

Пушкин – это тема, которая не может остаться за пределами творчес-

В соавторстве с Н. Кургузовой-Мирошник
Вечер. 1999

«В созвучье звуков, чувств и дум». Художник Н. Кургузова. 1996

тва ни одного русского художника, поэта, музыканта. В какой-то момент у всех возникает необходимость в общении с гением русского Парнаса, творчество которого эхом прокатилось сквозь два столетия. Всегда в такие работы хочется внести как можно больше подлинности. Здесь, на картине *В тени царскосельских дубов*, дубы написаны с натуры. Кто знает, может, под одним из них бродил и «кот ученый».

Согласно замыслу автора, главным в работе должен был стать пейзаж, потому что, следуя световой S-образной композиции, все акценты расставлены без участия поэта.

Он появляется в последний, кульминационный момент, расширяя и дополняя работу иными смысловыми и культурологическими полями.

Гимназистка, 1996

Какой-то монохромной стариной отозвался этот портрет, так сильно напоминающий старые фотографии в цвете сепии. Удивительно, как в юности все бывает в меру: необыкновенно выразительные глаза цвета черной черешни, шелковые густые волосы, завораживающее движение рук, плетущих косу, лукавое любопытство в ясной цельности взгляда. Даже старинное платье не приглушает силы ее феерического юношеского эфира.

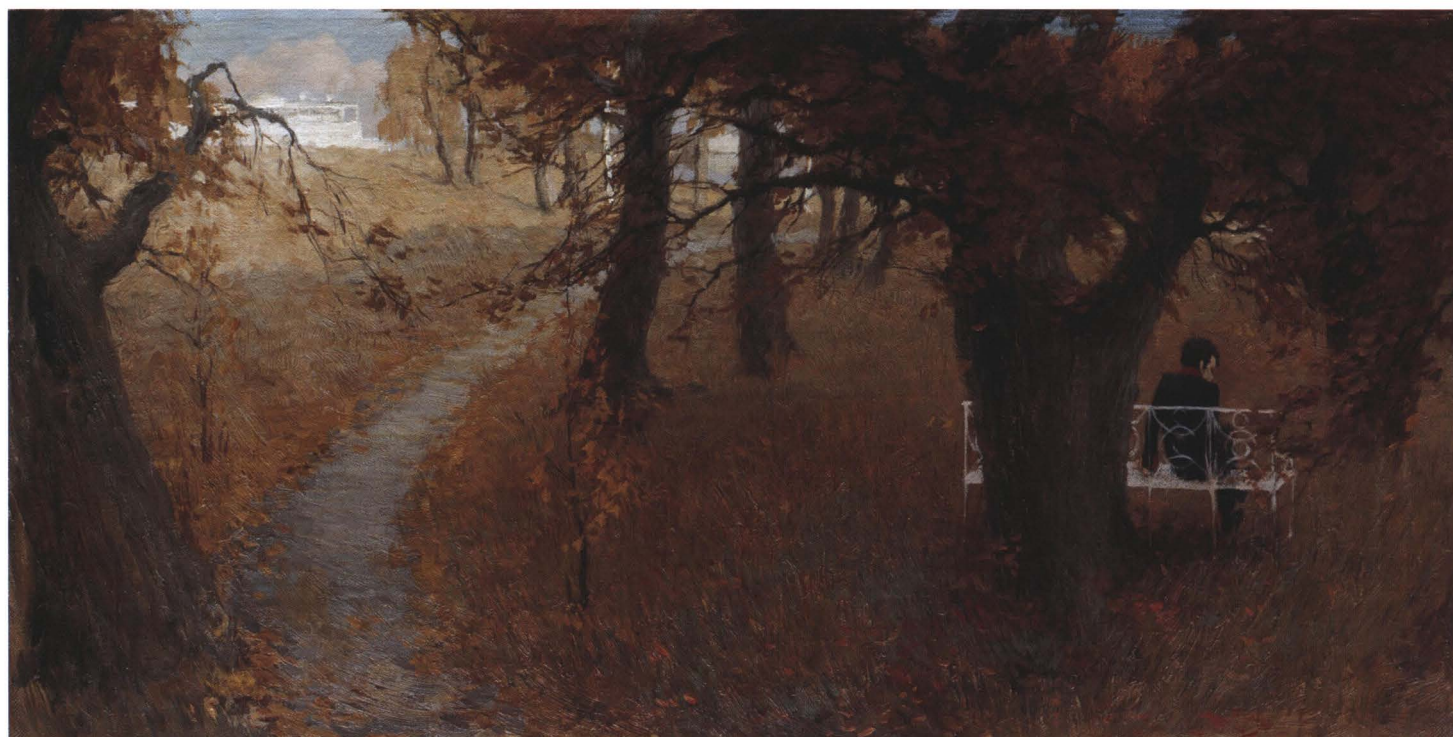

Владимир Кургузов. 1993

Корниловец. 1994

В тени царскосельских дубов. 1989

Интересно, какими цветами наполнится жизнь этой девочки, оставшейся на портрете в мягком, но почти не цветном изображении.

Как скоро после этой задумки автора начнут проявляться цвета?

**Преподобные Антоний
и Феодосий Киево-Печерские,
1995**

Работа *Преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские* – как это ни удивительно – одна из ранних работ художника. Это исторический портрет основателей православных монастырей XII века.

Известно, что христиане были гонимы, их вера жестоко преследовалась, поэтому они были вынуждены пустынничать, жить в пещерах. Там же, в пещерах, был заложен храм. Первым нашедшим здесь молитвенное уединение стал Антоний. Со временем желающих помолиться с ним становилось все больше. Среди них оказался и Феодосий, ставший позднее его учеником.

Жизнь, которую вели киево-печерские монахи, была очень аскетичной. На полотне изображен момент, когда Феодосий пришел к Антонию с чертежами для строительства Успенского собора и просит на это строительство благословение. Позднее храм, на который Феодосий получит благословение, станет первым православным храмом в Киевской Руси – храмом Успения Божьей Матери в Киеве.

В нижней левой части картины мы видим ладьи, плывущие по Днепру. Именно на них приплыли из Греции двенадцать зодчих для строительства храма. Мы видим, что Антоний держит в руке посох. Посох – это символ духовной власти, символ управления паствой. Во время проповедей священники, опираясь на посох, как бы замыкали связь с землей, будто бы вырастая из нее, подчеркивали силу единения и соединения с ней. Очевидно, про-

должением этой мысли являются следы земли на рясе Феодосия.

Работа полна символики. Феодосий сидит на камне, символизирующем твердую непоколебимую веру. Антоний опустил на корягу – символ поверженных идолов. Неожиданна одежда монахов. Раньше она могла быть цветной. Художник воспользовался материалом икон XIII века. На них можно видеть именно такие монашеские одеяния. Акцент на обуви из толстой кожи вносит понимание сложности и дальности дорог. А бороды изображаемых персонажей наводят на мысль о былинности, перебрасывая мысленный мостик к русским богатырям.

Писать святые лики – всегда большая ответственность и в ка-

Гимназистка. 1996

кой-то степени риск впасть в искушение. Для молодого художника, живущего в тогда еще атеистическое время, это было особым испытанием. Изучая жития святых, она глубоко сопереживала, постигая сложный путь православного монашества, и это отозвалось глубокой проникновенностью в изображении православных святых.

Молитвенники Сайды Афонской полны мудрости, силы, терпения. Глядя на полотно, зритель понимает, что сила эта его защитит, он как будто бы в безопасности. Приходит на ум ассоциация, когда ребенок стоит возле родителей

**Преподобные Антоний и Феодосий
Киево-Печерские. 1995**

и знает или даже уверен, что с ним ничего не случится.

Может, поэтому Сайда так очевидно отдает предпочтение святым и детям.

Художник крепко держится за эти темы, ей хочется много писать, чтобы благодати было побольше, ибо жизнь обязательно должна наполняться молитвой и любовью.

**Моление о даровании источника.
Преподобный Серафим
Саровский, 1996**

Много лет назад, когда тема православия только начинала обозначаться, художнику пришла мысль написать портреты настоятелей монастырей.

Портрет Серафима Саровского был одним из первых в проникновенно-мудрой чередой святых ликов.

Серафим Саровский – основатель Дивеевского монастыря –

изображен в момент чуда, когда, после долгой молитвы о даровании источника, источник появляется.

Сюжет моления на камне традиционен. К нему часто обращаются, опираясь на текст Священного Предания, в котором говорится о тысячедневном и тысяченощном духовном подвиге святого.

**Моление о даровании источника ►
Преподобный Серафим Саровский
1996**

Преподобный Амвросий Оптинский. 2009

Легкая, едва заметная тропинка, ведущая вверх, ассоциируется с духовным ростом человека, идущего к свету, а сочетание огромных деревьев, уходящих могучими корнями в землю, в соседстве с совсем молодыми, только-только набирающими силу деревцами, наводит на мысль о преемственности поколений. Деревья изображаются как столбы – координатные, верстовые. Они как люди, на подвигих которых держится земля. Текущая вода – символ времени – бесстрашная и чистая, она сохраняет неизменными духовные ценности. Взгляд молящегося обращен внутрь себя. Особым драматизмом наполнены руки. В них открывается какая-то особая незащищенность и понимание того, что все в воле Бога, «высока десница Господня, велика сила ее».

Раннее утро на полотне подернуто легким туманом, сквозь который прорываются первые лучи солнца, несущие вместе с утренним молением любовь и чистоту помыслов.

Художник вспоминает, что во время работы над портретом возникало состояние молитвенности, молитва погружала в таинство: дыхание замирало, а внутри становилось светло. Возможно, это неслучайно, ведь именно преподобный Серафим Саровский – тот святой, к чьему покровительству прибегает Сайда.

**Преподобный Амвросий
Оптинский, 2009**

История создания полотна *Преподобный Амвросий Оптинский* – особенная.

Его написание совпало с трудными для художника временами. И в момент, когда нить пути показалась почти незримой, раздался телефонный звонок. Звонили из

Оптиной пустыни. Монахи обратились к художнику с просьбой написать лик святого Амвросия Оптинского. Больше духовной помощи невозможно было и ожидать. Это дало силы, крылья и в какой-то степени было похоже на чудо. Первым порывом благодарного сердца художника было желание написать работу, равновеликую полученной благодати. Только бы получилось...

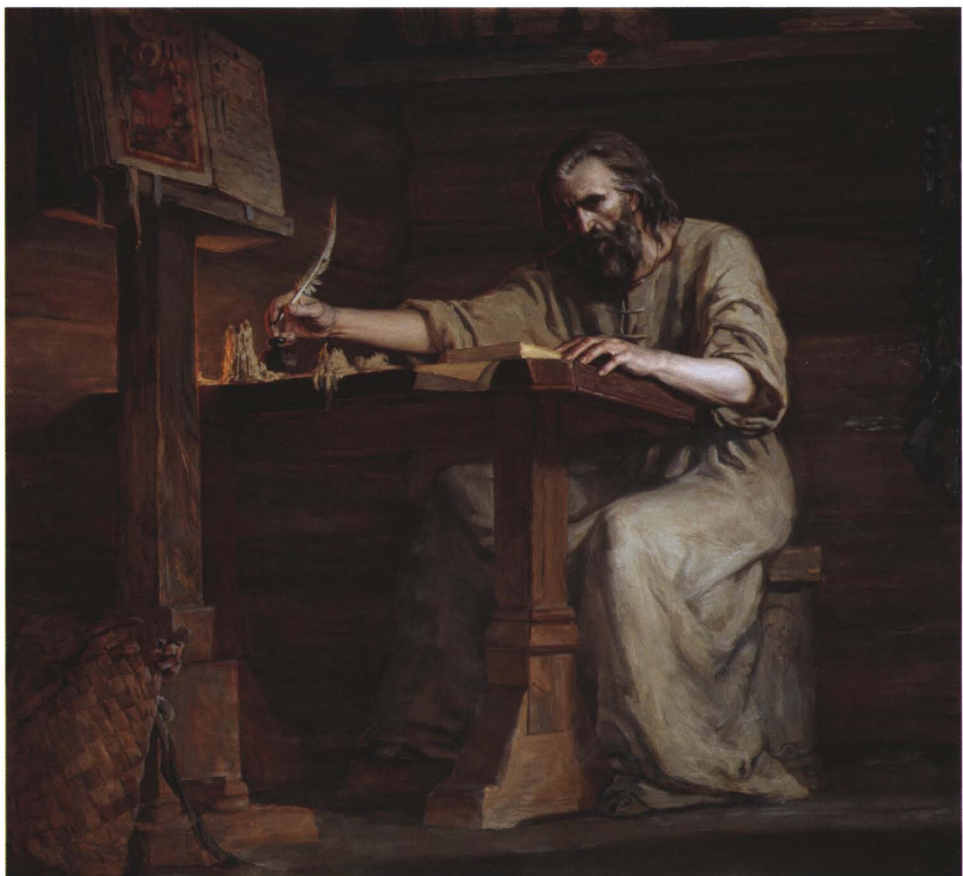
Уже через несколько дней Сайда была в Оптиной пустыни. Перед ней открылась дверь кельи чудотворного старца. Можно было взять в руки его шапочку, прикоснуться к посоху. Все вокруг умиротворяло душу, врачевало ее.

Тихим утром с рассветом, погруженным в пение птиц, вместе с погасшей лампадкой и закончившейся молитвой родился замысел будущей работы, уже через несколько часов легший на полотно свечками сосен, похожими на трубящего ангела. Все виделось рукотворным: тканые дорожки, вышитые занавески. На подоконнике стояла герань. Показалось, что тепло внутри кельи через открытое окно прони-

кает в мир; в мир вовне, в мир — для всех. Лик оживал. Его глаза, казалось, были всюду. Они излучали любовь и всепрощение. Замысел, на первый взгляд, был прост: старец,

Преподобный Кирилл Белозерский. 1998

Преподобный Иосиф Волоколамский. 1999

Жар-птица. 2003

Преподобный Кирилл
Белозерский, 1998

сидящий у окна. Но настроение и глубина духовной силы, переданные художником, сразу заставили монахов узнать святого, которого им посчастливилось знать и пребывать с ним в общей молитве.

Художник вспоминает, что когда он писал глаза, то не оставляло ощущение, что они смотрят в ответ, наблюдая и благословляя одновременно. Когда же работа была закончена, возникло ощущение свободы, радости и какого-то блаженства.

Мысль о написании портрета настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря возникла у художника после поездки на север. В музее монастыря оказалось достаточно предметов, принадлежащих его настоятелю: шапочка, посох, туесок, крест, кожаная поясная сумка. Было в этих предметах что-то особенно притягательное, то, что побудило желание знать.

С этого момента автор начал много читать, тщательно изучая историю монастыря, жития его свя-

тых, а особенно житие Кирилла Белозерского.

На полотне святой изображен подплывающим на лодке к берегам земли, на которую указала ему Богоматерь и где он должен был поселиться для уединения.

В небе мы видим намек на лучик, он как будто указывает путь. Тревожное небо мятежно. Погода не балует. Тростник – известный символ человеческого духа – под силой ветра гнется и вправо, и влево, но при этом возвращается к изначальному положению, подчеркивая гибкость и стойкость духа персонажа. Линия горизонта слегка завышена. Он расположен как бы «над», то есть ближе к небу. Этим приемом автор подчеркивает суровость, аскетизм натурщика, ловкость натруженных рук и силу воли.

Глаза же светлы и покойны. В них нет сомнения в выборе пути.

Образ Кирилла Белозерского был создан по описаниям *Жития святых*, с учетом его ликов, изображенных на старинных иконах. Одежды же писались в соответствии с более поздней иконографией. Кирилло-Белозерский монастырь укреплялся в вере постепенно. Сначала на место поселения святого стали приходить те, которые просили о молитве. Они приносили еду и одежду. Некоторые из них оставались. Затем приходили следующие, и так продолжается по сей день. На картине мы видим божьего послушника, ищущего путь для себя и людей.

Жар-птица, 2003

Портрет *Жар-птица* умышленно построен по законам гротескно-сказочного жанра. Это мечта и волшебство. Само название *Жар-птица* ассоциативно выводит целую галерею сказочных персонажей, дописывая всевозможные смыслы. С другой стороны – это «закладка» на сказочность жизни, почти завет на будущее ребенка. Цветовое решение образа насыщено. Краски

густо ложатся на полотно, захватывая все цвета радуги. Но, как и многие работы Сайды, портрет наполнен знаковой тайнописью. Подушка и корона – атрибуты маленькой принцессы. Забавный ежик намекает на веселый нрав ребенка, а крылья за спиной, пока еще плоские, не набравшие силу, ложатся настенным рисунком. Игра с изумрудным шариком учит умению замечать красоту и жить внутри нее. Девочка сидит на полке, как живая кукла. Похоже, что детская мечта художника о том, чтобы куклы оживали, сбылась.

Василек, 2000

Этюд *Василек* написан в технике широкого мазка, маслом, в один прием. Смысловым полем работы стали глаза, в которых читается удивленно-доверчивая распахнутость миру. Глубина «взрослого бордо» и прозрачность осеннего пейзажа вносят определенную философичность, обращенную к думающему зрителю.

Венеция, 2006

Василек. 2000

На портрете *Венеция* изображена молодая девушка. Работа получилась барочно-романтической. Она выдержана в глубокой сине-бело-голубой

Венеция. 2006

Даша. 1997

гамме, внутри которой будто двигаются мягкие шелковые буфы, придавая картине особый винтажный шарм. Притихли вечерние сумерки. Их умиротворяет синь воды и ветра сквозь проблески венецианского золота.

Можно предположить, что художник показывает фрагмент карнавала, но даже в карнавальном многослойности ему хочется обозначить всегда различимую суть

человеческого «я». Он украшает работу символом любви и чистоты – белыми лилиями. Рукава наряда наводят на мысль о крыльях или мягком движении волны, приносящей запах вечернего бриза. В результате же этот камерный вечер превращается в ноктюрн о молодости и красоте.

Даша, 1997

Портрет *Даша*, несмотря на то что это одна из ранних работ художника, отличает очень высо-

кий уровень техники выполнения. Похоже, что автор поставил задачу выписывать одну деталь в один прием, как это делали старые мастера голландской школы: не аляписто, широким мазком, а детальной немногослойной живописью в один слой. Казалось бы, коричнево-фиолетовая гамма, в которой выполнена работа, несочетаема, но именно благодаря ей создается особая атмосфера дружелюбия и комфорта, в которых читаются главные смыслы работы: желание видеть мир дружным,

Вечер в Сызрани. 2004

полным доверия. Отношения, которые сложились между главной героиней с умными и слегка лукавыми глазами и ее мохнатым другом, многим из нас напомнят о том, что так не хочется «отпустить»...

Вечер в Сызрани, 2004

Портрет маленькой девочки, выполненный художником в стиле старинных усадеб, – камерно-патриархален. Атрибуты соответствуют жанру: старая беседка, длинная коса, легкость антикварного кружева, вишенка, так по-детски выглядывающая из ручки. Мягкая и в то же время романтизированная приглушенность света погружает зрителя в приятный летний день, закутанный в бело-зеленую

Пастушок. 1996

Сызранские дети. 2007

Георгий. 1998

гамму покойных полутонов. Здесь, на террасе, прохладно, свет едва пробивается сквозь густую зелень. И в этом покое детства и лета есть лишь одно несогласие: угадывающаяся цельность и сила натурщицы. Несмотря на атрибутику прошлого, взгляд, очевидно, нацелен в будущее. В нем сила и непокой. Автор акцентирует внимание на этом не по-детски детском взгляде, и детство пат-

риархальных беседок становится очевидно разнящимся с детством сегодняшних дней.

Пастушок, 1996

Когда смотришь на картину *Пастушок*, то ловишь себя на мысли о том, как одно время может жить в другом, напоминая кукол матрешки.

Перед нами мальчик в серой курточке и фланелевой рубашке. Такие рубашки носили лет 20–25 назад. Взгляд карих глаз устрем-

лен внутрь, волосы цвета соломы. Оглушает понимание, что времени нет. Оно как было тогда, много лет назад, так и теперь – просто площадка для мыслей и поступков, которые рождаются внутри тебя. Именно поэтому в золотое сечение картины попадают глаза. С одной стороны, через них хочется постичь суть личности, бытия. Но вместе с тем, они в своем вневременье непостижимы. Несмотря на то что день светлый и уже «пошумливают» коровы, просясь домой, пастушок не слышит их, думая о своем.

Георгий, 1998

С портрета *Георгий* на нас смотрит маленький мальчик лет трех с огненными красно-рыжими волосами. Его синие глаза как небушко сказочных полотен. Чем-то этот образ перекликается с образом Микки Морозова работы Серова. Может, поэтому, следуя традиции классики, художник так вдохновенно работает, завораживая волшебством цвета, вспоминая технику Рубенса и заканчивая работу в один прием. Впрочем, не совсем заканчивая. Именно недописанность работы, выполненной в академическом стиле – с использованием темного фона для контраста и выразительности детского лица, выхваченного светом, – оставляет за полотном тему живости, естественности и приятного недосказа, притягивающего зрителя.

Девочка с корабликом, 1995

Глядя на работу *Девочка с корабликом*, невольно вспоминаем сказочную *Аленушку* Васнецова. Однако портрет выдержан совсем в другой манере – манере реализма. Зеленовато-охристая гамма растворена негой фантазии детского сознания. О чем думает эта славная

Девочка с корабликом. 1995

Утро дня. 2000

девчушка, отпуская на волю свой кораблик? Еще несколько часов назад папа смастерил его из пенопласта, вырезав из старой рубашки парус и украсив кисточками верхушки мачт.

Куда он поплывет? Не остынет ли в солнечно-зеленых водах любовная рукотворность придумавшего эту забаву? Хочется думать, что малышка, похожая на пока не раскрывшийся цветок, проследит за своим корабликом детства.

Виктор, 2009

Среди большинства детских портретов этот портрет выделяется своим смелым цветовым решением. В нем практически нет полутонов, нет столь свойственной детским портретам приглушенной пастельности. Его цвета глубоки и яркие. Похоже, художник хотел подчеркнуть гениальную гармонию негармоничного, возможную только в детстве, потому что только в детстве все можно уравновесить безудержной силой детской фантазии и реальной полнотой переживаемых состояний. На заднем плане мы видим лошадку и ее наездника. Этот игрушечный воин, напоминающий Георгия Победоносца, включает совсем не игрушечную тему воспитания маленьких мальчиков, из которых вырастают взрослые воины и защитники.

При всей «игрушечности» работы в нее заложены глубокие темы: это и тема патриотизма, подчеркнутая славянским орнаментом, и ее православная поддержка в намеке на Георгия Победоносца, и оптимистичность красок, и живой задорный взгляд маленького натурщика. В заявленных таким образом темах

Виктор. 2009

нет «передержанной» моралистичности или назидательности, потому что они рассматриваются сквозь детскую призму абсолютно доверия, полной убежденности в том, что мир всегда добр и всегда справедлив.

Выходящая из цветов, 2009

Миниатюра *Выходящая из цветов* написана на доске. В этой работе заявлена тема материнства

в современном преломлении. Любящая, сильная, берущая начало у природы и украшенная ею женщина-мать – своего рода камертон авторского замысла. Это обыкновенная женщина, и на руках у нее обыкновенное дитя, – нет ничего иконописного или библейского, хотя понятно, что замысел имеет умышленный намек на эти темы. Как пламя костра, поднимается созвучие цветов и трав, играющее солнечными зайчиками. И венцом

Любимые игрушки. 2009

этого созвучия оказывается дитя – воплощение любви и правильности нашего мира в вечном его продолжении.

Милочка, 2004

Из нежности красок работы *Милочка* рождается настроение. Оно похоже на утро, которое «мурлычет»

кошкой, стучится в окно солнечным лучиком, пахнет теплым пудингом и горячим шоколадом. Художник, похоже, специально создает особую зону неги и умиротворения. Пусть этот ласковый покой останется с ее маленькой девочкой навсегда. Недописанный цветок в вазе, плюшевый мишка, едва выглядывающий из-за стола, наводят на мысль о том, что жизнь только начинается. Она, как маленький кузнечик, неуловима и непредсказуема. Лошадка – вечный спутник нашей героини, это знак ее года и игрушечная любимица. Но особенно интересно решена задумка с рассыпанными бусами.

Вся жизнь собирается, словно бусы, по бусинке. И каждая бусинка – память. Вдохновенное начало слетело перышком. Мы чувствуем, что девочка, изображенная на полотне, согрета любовью. И любовь эта, преломляясь в мягкой лукавности взгляда, покое головки, уютно устроившейся на «пушистых» детских ручках, отражаясь, уходит в мир для всех. Композиция работы не отвечает законам жанра. Она выдержана в технике интуитивного детского рисунка. Все предметы, изображенные на полотне, своей разобщенной геометрией еще больше расслабляют глаз, но именно они, работая на главный персонаж, соединяют все своими добавочными смыслами.

Домашний театр, 2008

Умиротворенность зеленых тонов, украшенных позолотой и светом, выпускает зрителя в одно из самых сказочных состояний детства – игру... Перед нами таинство перевоплощения. Героини полностью подчинены искрам своей фантазии. Взгляд старшей девочки хранит какие-то миры внутри себя. Ей открываются свои образы и сюжеты.

Выходящая из цветов. 2009

Перед Рождеством. 2000

Другая же девочка, помладше, играющая в лошадку, вершит конкретное действие. Ее мир ближе к отражаемому, он более предметен. Что же открыло «зазеркалье» двустороннего шкафа художнику, проходящему мимо стеклянной стены: психологическую сагу детства или очередную находку художественного воплощения одного мира внутри другого?

Анечка и ее царство, 2004

Портрет *Анечка и ее царство* для художника – начало нового творческого этапа. Работая над ним, автор впервые отступает от канонов академизма. Уменьшая натурщицу до размеров игрушки, он впервые экспериментирует с формой, помещая ее в равновеликий ей мир. В нем героиня замечательно себя чувствует. Ее компания – любимец муравей, мишка-принц, царевна-лягушка. Чуть выше расположена куколка, чем-то напоминающая маму.

Игрушки составлены как натюрморт, краски академичны, свет прямой, с минимальным количеством теней. Девочка на портрете

погружена в свои мысли, что, кажется, не всегда свойственно детству: оно чаще более созерцательно. Но художник очень точно подметил у своей натурщицы именно эту особенность: в интервалах между игрой и звонким смехом – склонность к глубоким и совершенно самостоятельным рассуждениям.

Портрет Анечки был первым портретом, в который были введены стихи. Именно с него начался наш совместный проект «порт-

Волшебство. 2009

рет в портрете». Мы придумали жанр «наоборот»: если в книгах первичен текст, а иллюстрации по отношению к нему вторичны, то в нашем случае главным звеном должна была стать живопись, а слово, отталкиваясь от концепции образа, созданного художником, должно было акцентированно усилить его восприятие. Сегодня таких работ более двадцати.

и побежит к маме, чтобы поздравить ее с добрым утром наступившего дня.

Диагональная композиция работы в треугольнике традиционна, но совершенно другие чувства и настроения вызывает работа, главным инструментом которой стало чувство любви.

Па-де-де, 2005

К написанию этой работы художника подтолкнул образ натурщицы: маленькая рыжеволосая девочка с огромными карими глазами и хрупким станом, мечтающая о большом балете.

Она чем-то напомнила автору Дюймовочку. Может, поэтому основной фон картины так похож на огромные лепестки. Расположение же героини в центре «цветка» наводит на мысль о том, что он когда-нибудь раскроется и явит всем чудо танца.

Волшебство красок, их темпераментная «шквальность», несмотря на общую пастельность воплощения, гармонично дополняет взгляд натурщицы, в котором читаются цельность и решительность характера, выбравшего столь непростой путь.

Милочка. 2004

Доброе утро, 2006

Сказочное настроение картины *Доброе утро* идет от замысла художника.

А вдруг там, под матрасом, лежит настоящая горошина?.. Девочка только проснулась, удивительный

розовый свет утра уже играет солнечными зайчиками с ее рисунками, бережно перенесенными художником на стену около кровати. Эту игру поддерживает минорно-поэтический Пьеро и всегда веселый затейник Арлекин. Все погружено в золотисто-лимонную негу пробуждения: и постельное белье, раскинувшееся красками сада, и старая бабушкина кровать, украшенная плетеными кружевами. Кажется, что девочка вот-вот соскользнет на пол

Домашний театр. 2008

Анечка и ее царство. 2004

Все мысли и чувства, вызываемые работой, идут от цвета: изумрудного, антикварно-розового, усиленного черным кружевом. Бисерные мазки, нанесенные художником

на полотно, своей техникой как будто бы и художника обязывают к танцу, для того чтобы усилить чистоту и хрупкость детских фантазий.

Зимняя сказка, 2005

Портрет Василисы созвучен зимней сказке. Его палитра состоит из оттенков неба: белый, голубой, серый. Красота девочки кажется несколько отстраненной. Во взгляде, направленном «сквозь», читается независимость и решительность характера. Есть ощущение, что, создавая этот портрет, художник искал свое. Поэтому детская тема так абстрагирована и так желанно украшена солнечными зайчиками, бегущими к лицу, хрустальными льдинками.

Трогательный зайка, будто бы барахтающийся в сугробе, вносит нотки созерцательного умиления. Все, о чем мечталось художнику в детстве, кажется, воплощается в детстве его детей.

В балетной школе. Набросок. 2005

Композиция, выстроенная в одну линию, раскрывается вверх (легкий низ и тяжелый верх) вопреки жанру, но этот прием поддерживает другую, очень важную особенность работы: ее многослойную философичность.

«Понимая дали даль...»

Художница Ю. Соколовская, 2006

Портрет художницы Юлии Соколовской выполнен в горизонтальном формате.

В связи с этим возникает ощущение продления времени, не прерывающего размышлений натурщицы. В золотое сечение попадает

Доброе утро. 2006

глубокий взгляд сентиментально-печальных глаз. Похоже, зритель становится свидетелем какого-то очень важного внутреннего монолога. В руке девушки слоник, переносащий в период модерна начала двадцатого века. Эту же тему поддерживает настенный графический рисунок. Этот рисунок в увеличенном виде перенесен автором с Юлиных работ. Изысканная пластичность линий, раскрепощенная вольность их движений подчеркивают мысль

о сильном творческом начале натурщицы, чувствующей руку и живущей внутри своего искусства. Мы видим, что ее работа пока не имеет цвета: жизнь только начинается, но он обязательно появится вместе с новыми красками и смыслами бытия.

**Портрет поэта.
И. Барзел. 2007**

Работы художников портретного жанра становятся особенно инте-

Па-де-де. 2005

ресными, когда они пишут поэтов, музыкантов или скульпторов. Очень часто в таких работах доминантным становится не личностное, а профессиональное параллельное и отношение к ней пишущего. С одной стороны, художник, конечно же, писал поэзию: волосы, в которые вплетаются строчки стихов, старинные кружева, напоминающие сами стихи, прозрачные бусы, намекающие на

хрустальность слова, руки ангела, стрела, превращающаяся в перо, с другой стороны, замечательно придуманная художником композиция поэтического жанра, тепло

◀ Зимняя сказка. 2005

«Понимая дали даль...»
Художница Ю. Соколовская. 2006

преломляется в личном отношении к поэту и другу.

Горизонтальный формат работы подчеркивает склонность натурщицы к размышлениям, вертикаль лица наводит на мысль о самостоятельности и цельности характера. При всей изысканности и даже некоторой витиеватости антуража

Портрет поэта. И. Барсел. 2007

в лице угадывается и темперамент, и сила духа. Особую роль играет лимонно-розовый колорит картины, вносящий гармонию и уравновешивающий возможную силу мысли с ее легким эфиром.

Содержание

- 4 Мое сердце – кисть
12 Живописные истории в лицах

Указатель произведений Сайды Афоной

- А.Я. Беккер. 1998 – 18
Автопортрет. 2005 – 4
Академическая постановка. 1994 – 8
Александр. 2001 – 15
Анечка и ее царство. 2004 – 43
В балетной школе. набросок. 2005 – 44
В библиотеке Пензенского училища имени Савицкого.
1989 – 7
В кругу миниатюр. 2007 – 24
В мастерской училища. 2000 – 6
В соавторстве с Н. Кургузовой-Мирошник. Вечер.
1999 – 25
«В созвучье звуков, чувств и дум».
Художник Н. Кургузова. 1996 – 25
В тени царскосельских дубов. 1989 – 27
В.Р. Беккер. 1998 – 18
Валюшка. 2009 – 21
Василек. 2000 – 33
Венеция. 2006 – 33
Вечер в Сызрани. 2004 – 35
Виктор. 2009 – 38
Владимир Кургузов. 1993 – 27
Волшебство. 2009 – 41
Восточный натюрморт. 2002 – 7
Выходящая из цветов. 2009 – 40
Георгий. 1998 – 36
Гимназистка. 1996 – 26
Даша. 1997 – 34
Девочка с корабликом. 1995 – 37
Девушка в красном. 1996 – 20
Доброе утро. 2006 – 44
Домашний театр. 2008 – 42
Е.С. Строев. 2004 – 15
Жар-птица. 2003 – 32
Зимняя сказка. 2005 – 46
Карл IV. 2004 – 9
Корниловец. 1994 – 27
Любимые игрушки. 2009 – 39
Мама. Миниатюра. 1998 – 5
Милочка. 2004 – 42
Моление о даровании источника
Преподобный Серафим Саровский.
1996 – 29
Мужской портрет с сиренью. 2007 – 16
Настроение. 1997 – 16
Натали. 2000 – 14
Натурщик. 1997 – 8
Начало пути. Художник А.П. Афонин. 1994 – 19
Отражение. 2001 – 12
П.И. Афонин. 2002 – 21
Па-де-де. 2005 – 45
Пастушок. 1996 – 35
Перед Рождеством. 2000 – 41
«Понимая дали даль...» Художница Ю. Соколовская.
2006 – 47
Портрет Елены. 2004 – 13
Портрет искусствоведа. 1995 – 21
Портрет мамы. 1995 – 11
Портрет поэта. И. Барсэл. 2007 – 47
Портрет скульптора. 1994 – 18
Преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские.
1995 – 28
Преподобный Амвросий Оптинский. 2009 – 30
Преподобный Иосиф Волоколамский. 1999 – 31
Преподобный Кирилл Белозерский. 1998 – 31
Р.В. Чурсина. 2003 – 10
Рисунок натурщика. 1994 – 6
Скульптор А. Коровин. 1988 – 23
Старик. 1995 – 10
Студенческий набросок. 1993 – 23
Сызранские дети. 2007 – 35
У камина. 1999 – 17
Утро дня. 2000 – 38
Художник И. Мясников. 1988 – 23
Эрна. 2000 – 13
Юность. 1997 – 22

Сайда Афони́на

БЕЛЫЙ ГОРОД

МОСКВА

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Мастера живописи

- Айвазовский
- Айец
- Алексеев Ф.
- Альма-Тадема
- Арсенюк
- Афоина
- Батони
- Белороссовы-Малеевы
- Белюкин Д.
- Бёклин
- Бёрн-Джонс
- Бернадский
- Богаевский
- Богданов-Бельский
- Боголюбов
- Больдини
- Боровиковский
- Босх
- Боттичелли
- Брюллов
- Бугро
- Буше
- Ван Гог
- Ван Дейк
- Васильев Ф.
- Васнецов А.
- Васнецов В.
- Веласкес
- Венецианов
- Верещагин В.
- Верещагин П.
- Вермер
- Виноградов
- Волков
- Врубель
- Вьюар
- Гавриляченко
- Герасимов
- Глазунов И.И.
- Глазунов И.С.
- Гоген
- Гойя
- Горбатов
- Грёз
- Григораш
- Гринёв
- Давид
- Дали
- Данилевский
- Дега
- Делакура
- Демаков
- Джотто
- Дмитриевский
- Добужинский
- Доре
- Дуччо
- Евтушенко
- Жером
- Жилинский
- Жуковский С.
- Заряно
- Зверьков
- Иванов А.
- Каменев
- Караваджо
- Кауфман
- Кипренский
- Киселев
- Клевер
- Климт
- Клодт М.
- Кожин
- Копылов
- Корбаков
- Корзухин
- Коркодым
- Корнеев
- Коро
- Косов
- Крамской
- Кривоногов
- Крыжицкий
- Крымов
- Кузнецов Б.
- Куинджи
- Куликов И.
- Курбе
- Кустодиев
- Ланин
- Лапин
- Ле Брен
- Левенцев
- Левитан
- Левицкий
- Лейтон
- Леонардо да Винчи
- Лимбург
- Лиотар
- Лоррен
- Лукьянов
- Малеев
- Макаров
- Максимов
- Маланенков
- Мане
- Машков И.Г.
- Менгс
- Мещерский
- Микеланджело
- Мирошник
- Модильяни
- Моне
- Моризо
- Мочальский
- Мурильо
- Мухин
- Неврев
- Неменский
- Нестеров
- Никонов
- Новиков
- Ольшанский
- Орлов
- Орловский В.А.
- Орловский В.Д.
- Осипова, Федоров В.
- Павлова, Самсонов В.
- Переяславец М.
- Перов
- Писсарро
- Покидышев
- Поленов
- Поленова Е.
- Поликарпов
- Полотнов
- Похитонов
- Присекин Н.
- Путнин
- Радоман
- Рафаэль
- Ревелиоти
- Рембрандт
- Ремнёв
- Ренуар
- Репин
- Рерих
- Роза
- Ромашко
- Росsetти
- Рубенс
- Рылов
- Рябушкин
- Саврасов
- Самокиш
- Самсонов А.
- Сапунов
- Сверчков
- Сегантини
- Сезанн
- Секрет
- Семирадский
- Серов
- Сибирский В.
- Сислей
- Смирнов
- Соколова
- Соломаткин
- Соломин Н.
- Сорокин
- Степанов
- Стожаров
- Страхов
- Стронский
- Суриков
- Телегин
- Тимм
- Тициан
- Ткачевы
- Толстой Ф.
- Тропинин
- Тулуз-Лотрек
- Уистлер
- Уотерхауз
- Утамаро
- Федоров А.
- Федотов
- Фрагонар
- Фридрих
- Фурманков
- Хант
- Харунобу
- Хасьянова
- Хиросигэ
- Хокусай
- Хьюз
- Церетели
- Чайников
- Чернецовы
- Чёрный
- Шаньков
- Шарден
- Шассерио
- Шилов А.А.
- Шишкин
- Шпицвег
- Штейн
- Штук
- Штыхно
- Эль Греко
- Энгр
- Юон
- Ярошенко

